

Немирович-Данченко Василий Иванович

Счастье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Счастье / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
66 с.

ISBN 978-5-519-99168-1

ISBN 978-5-519-99168-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Утромъ всѣхъ «каторжниковъ» выстроили за воротами тюрьмы.

— Бродяга «Иванъ-Непомнящій!» — крикнулъ этапный офицеръ, повѣряя списокъ своей партіи.

Иванъ-Непомнящій присоединился къ тѣмъ, которые уже выстроились въ сторонѣ.

Онъ зорко оглядывалъ малорослыхъ и слабыхъ на видъ конвойныхъ, казавшихся горбатыми подъ своими неуклюжими сѣрыми шинелями. На ихъ штыкахъ играло солнце, дула были заткнуты сукопными втулками. «Заряжены», — пробѣжало въ головѣ у бродяги, и онъ усмѣхнулся, вспомнивъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вслѣдъ за нимъ растерянно загрохотали наудачу безтолковые выстрѣлы. Онъ еще не забылъ теплаго пара отъ той земли, къ которой припалъ онъ тогда лицомъ, наступившую вслѣдъ затѣмъ страшную тишину, съ чудившимися ему осторожными, крадущимися шагами. Вспомнилъ онъ и волю!..

Ну, а теперь?

Неужели идти на каторгу? Старый бродяга хорошо былъ знакомъ съ нею. Словно въявь опустилась подъ его ногами черная шахта; червивыми ходами легли въ землѣ и камнѣ штольни, гдѣ далеко одинъ отъ другого замигали огоньки лампочекъ, и слышался унылый и однообразный стукъ молотка... Солнце еще не поднимается, а *ихъ* уже гонять туда, въ подземный мракъ; назадъ выходятъ *они*, когда оно зайдетъ за синія горы и погаснетъ за ними... Такъ и не видятъ Божьяго дня...

«Иванъ-Прощай» тронулъ локтемъ сосѣда.

— Откуда?

— Отсюда не видать.

— Съ бѣговъ, значить?—одобрилъ бродяга.

— Извѣстно, не съ лету.

— Повинился или въ непомнящихъ?

— Винись ты, коли охота.

— Зовутъ-то какъ?

— Иванъ Дальній... А хочешь, Ближнимъ величай, мнѣ все равно.

— Такъ! Значить, свои, товарищи...—повеселѣлъ «Прощай».—Какъ надумалъ дальше-то?

— Тамъ видно будетъ. Кабы на вольное поселеніе, — съ нашимъ удовольствіемъ. Только меня на двадцать годовъ засудили.

— Въ работы?

— Извѣстно, не въ сторожа.

— И опять, значить, товарищи!..

А еще дня черезъ два, когда утомленная партія и не менѣе утомленные конвойные заснули въ этапномъ домѣ посреди темнаго, отовсюду обступившаго лѣса, часовому, стоявшему снаружи у самага частокола, послышался глухой и странный звукъ, точно сверху упало что-то мягкое. Еще одинъ. При этомъ звякнула и цѣпь. Какой-то темный клубокъ будто прокатился къ лѣсу... Солдатъ наскоро прицѣлился, — огнистая струйка прорѣзала тьму. Точно ахнулъ лѣсъ, пробужденный выстрѣломъ... Чей-то крикъ замеръ въ немъ...

«Должно, «Дальняго» тронуло», — соображалъ

про себя «Иванъ-Прощай», со-слѣпу бѣжавшій прямо въ таинственное царство столѣтнихъ великановъ, едва мерещившихся ему въ ночномъ мракѣ... Крики позади, голоса... Опять знакомые выстрѣлы на-удачу. Лѣсъ ожилъ. Невидимыя цѣпкія вѣтви хлещутъ прямо въ лицо бѣглецу; чьи-то узловатыя и твердыя руки будто ловятъ его, схватываютъ полы арестанскаго халата, впиваются острыми иглами въ его похолодѣвшее тѣло, бросаютъ ему подъ ноги что-то, отъ чего онъ спотыкается, наконецъ: онѣ же, должно быть, отняли землю изъ-подъ него, и онъ полетѣлъ внизъ, только по мокрой травѣ, осыпавшей его лицо росой; догадался онъ, что сорвался съ крутого ската... Приподнялъ голову. Тьма вверху, тьма внизу... Только надъ нимъ въ этой тьмѣ нѣтъ-нѣтъ да и прорѣжется багровая струя выстрѣла. «Иванъ-Прощай» спустился внизъ и поползъ, оглядываясь, какъ звѣрь, назадъ и не замѣчая боли отъ ссадинъ на колѣняхъ и отъ разодранныхъ колючками и острыми камнями ладоней. Ползъ все дальше и дальше, не зная куда и ничего не видя въ безпросвѣтномъ мракѣ теплой весенней ночи...

III.

Воля!

Тысячами голосовъ говоритъ она ему, тысячами оттѣнковъ и красокъ привѣтствуетъ бродягу

отовсюду. Вторую недѣлю какъ надъ нимъ — ничего, кромѣ этого голубого простора, гдѣ такъ тонко рисуются переплетающіяся вѣтви деревь, уже подернутыхъ нѣжною зеленью первой весенней листвы. Точно никогда и не бывало высокихъ угрюмыхъ стѣнъ и ржавыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Только во снѣ еще примерещатся ему конвойные, лязгъ цѣпей да щелканье замковъ, и въ неисходной тоскѣ просыпается бродяга, чтобы увидѣть надъ собой темное, все осыпанное звѣздами небо, и колеблюющіяся вершины лѣсныхъ великановъ, и цѣлые часы потомъ лежитъ онъ, прислушиваясь къ ихъ однообразному, торжественному гулу.

Воля!

Онъ и не знаетъ, сколько верстъ прошелъ въ сторону отъ той дороги, по которой гнали его вмѣстѣ съ другими. Сначала еще попадались поселки, издали замѣчалъ онъ дымокъ, тонко курившійся изъ трубъ, и старательно обходилъ его. Ночью только, какъ звѣрь, прокрадывался къ людямъ, сторожа, гдѣ не лаютъ собаки, гдѣ безъ шума можно влѣзть въ чужую клѣтку и взять хлѣба. Онъ помнитъ, какъ однажды ему невмоготу стало, и онъ прямо вошелъ въ избу, въ окнѣ которой мерещился огонекъ... Старуха, сидѣвшая тамъ, обмерла, увидѣвъ его, — руки и ноги трясутся. Еще бы: желтый тузъ на спинѣ, — кому невдомекъ!..

— Не бойся, матушка... хлѣба нѣтъ-ли?

И языкомъ та не ворочаетъ.

Отыскалъ онъ краюху хлѣба, воды напился.
Видить, — бѣдность кругомъ непокрытая.

— Да у самой-то осталось ли хлѣба?

Очнулась та немного.

— Уйди... уйди... завтра насбираю еще...

— Ну, что съ нищей брать! — Оставилъ краюху на столѣ и прочь пошелъ. Зато днемъ наткнулся въ лѣсу на охотника, хотѣлъ мимо пройти, даже «Богъ въ помощь» сказалъ ему, да поднялъ тотъ ружье, чтобъ пристрѣлить, а, можетъ, — и поугатъ его. Свѣта не взвидѣлъ «Иванъ-Прощай». Бросился, подмялъ подъ себя. Взялъ бродяга ружье, отнялъ и полушубокъ, развязался онъ теперь съ арестантскимъ халатомъ и бродить по лѣсу, ждетъ, пока отрастутъ волосы, а тамъ и къ людямъ показаться можно будетъ.

Воля!

Молчить совѣсть; не шевельнется воспоминаніе... Что жъ, — когда и подумаетъ, — какъ звѣрю, такъ и ему не больно. Люди всегда были старому бродягѣ лютыми врагами. Съ дѣтства съ самаго росъ онъ загнаннымъ и захудалымъ щенкомъ, котораго каждый норовилъ ткнуть, да побольнѣй... Кормили мало, били много; а выросъ, воровать началъ съ голоду, — и еще больше бить стали. Въ тюрьмѣ только говорилъ ему «батюшка» не разъ, что такъ жить нельзя, что Христосъ терпѣлъ еще больше, что надо покаяться и исправиться, — только слова эти до сердца не доходили.

Сумрачно слушалъ ихъ заключенный и, понурясь, уходилъ къ себѣ за желѣзныя рѣшетки.

«Христось всѣхъ прощалъ! А меня кто простилъ?»—думалъ онъ про себя, ложась на нары.

И точно жесткою корой покрылась его душа. Озвѣрѣлъ онъ, бѣжалъ и сталъ бродить по всему свѣту. Съ тѣхъ поръ и брови нависли низко надъ его злыми глазами, и возненавидѣлъ онъ все и всѣхъ...

Къ одному только и лежало его сердце,—къ волѣ, къ лѣсу, къ полю, къ одиночеству, чтобы ни надъ нимъ, ни около ничего не было...

И идетъ онъ теперь, и мелькаютъ мимо сѣрые, корявые стволы. Нога скользитъ по землѣ, покрытой хвоей; сквозь нее кое-гдѣ пробиваются зубчатые листья и острые языки первой травы.

Бѣлка уже проснулась и изъ теплаго дупла, веселая и нарядная, выскочила на солнце и мечется съ вѣтки на вѣтку, словно смѣясь старому бродягѣ.

А вверху темная синь—то нахмурится темною тучей и вспрыснетъ неисходное царство лѣсное весеннимъ дождемъ, то загремитъ воскрешающей грозой, то раскинется ласковой глубиной, словно цѣлый міръ отогрѣвая въ своихъ материнскихъ объятіяхъ...

И идетъ «Иванъ-Прощай» по темнымъ оврагамъ, гдѣ шибко и звонко бѣгутъ ручьи отъ талаго снѣга, гдѣ онъ лежитъ еще бѣлыми пятнами въ вѣчной тѣни, куда не проникаетъ солнце, и чѣмъ

дальше, тѣмъ звончѣй и шибче весеннія воды, и пыжуются онѣ, и пѣнятся яркими потоками...

Воля!

А заморится бродяга,—вездѣ ему готовъ отдыхъ. Раскинется, на чемъ стоитъ, руки подъ голову заброситъ,—и гляди себѣ безъ конца въ голубую высь, до тѣхъ поръ гляди, пока почудится, что самъ несешься въ нее, будто сорвавшись, и страшно, и голову закружить...

На ногахъ начали уже заживать ссадины отъ кандаловъ, теперь и встрѣться кто,—никому невдомекъ будетъ, кого Богъ даетъ въ спутники. Да кому же и быть въ этомъ бору? Ни на одномъ деревѣ нѣтъ слѣда отъ топора, ни одного дерева нѣтъ срубленного рукою человѣка. Вонъ—обгорѣлая сосна, вся черная стоитъ, ее молніей обожгло. Вонъ другая,—подгнило старое дерево и само рухнуло, запутавшись густою вершиной въ сосѣднихъ деревьяхъ... Нѣтъ, тутъ не бывало человѣка... Тутъ воля настоящая.

Звѣрь—тотъ попался «Ивану-Прощай». Разъ медвѣдь наткнулся прямо подъ дуло его ружья, да старый бродяга помиловалъ...—«Какая мнѣ въ тебѣ корысть?» подумалъ онъ. «Шубу—къ лѣту не ко времени: за зиму ты истощалъ весь и ослабъ... Ступай себѣ, отъѣдайся!.. Ну, а осенью—не наткнись, другая у насъ съ тобой встрѣча будетъ»... И онъ такъ гикнулъ на звѣря, что тотъ, подобравъ хвостъ, развалкой - развалкой живо унесъ ноги въ молчаливую дрѣму темнаго лѣса...

Слышалъ онъ изрѣдка ночью вой волковъ издали. Въ этой тишинѣ за десятки верстъ доносился онъ, надрывая душу. Жутко становилось бродягѣ, не потому, чтобы онъ боялся ихъ, нѣтъ! А точно въ немъ самомъ стонало и жаловалось что-то такое же, будто онъ самъ былъ сродни этимъ голоднымъ хищникамъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ и онъ не былъ волкомъ между людьми?

Разложивъ костеръ, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ онъ въ его полымя, въ красныя груды раскалившихся углей, по которымъ точно пробѣгали какія-то серебряныя змѣи, вспыхивали и опять падали. Огонь свисталъ, взвиваясь кверху, точно ему хотѣлось оторваться отъ земли и унести въ темное звѣздное небо, шипѣли серебряныя змѣи и золотые языки; съ громкимъ трескомъ лопалась кора свѣжихъ сучьевъ; вся коробясь, словно отъ боли, корчилась береста, по которой пробѣгали искры, пока она сама не вспыхивала яркимъ снопомъ. А бродягу все больше и больше томило сознаніе, что всѣ ему вороги, что потоль ему и хорошо, поколь онъ одинъ... и жалобный, пронзительный волчій вой еще тяжелѣй ложился ему на душу...

— У, чтобъ васъ...—самъ не зная на кого, злился онъ.

И надвигавшаяся отовсюду на костеръ темная ночь изъ-за сѣрыхъ стволовъ, едва проступавшихъ въ его волшебномъ кругѣ, пристально смотрѣла въ суровое лицо бродяги и молча слушала его непонятныя проклятья.

IV.

Шелъ да шелъ себѣ «Иванъ-Прощай» темнымъ лѣсомъ, молчаливыми полянами, сырыми оврагами, болотинами, гдѣ вслѣдъ за нимъ проступали въ опускавшейся почвѣ холодныя лужи, гдѣ на моховыя кочки уже слеталась веселая дичь, цѣлые дни стрекотавшая, словно радуясь щедрому солнцу,—и выбрался, наконецъ, на жилое мѣсто. Правда, ему не видать было ни деревень, ни поселковъ. Онъ взлѣзъ на одиноко стоявшую сосну и оттуда внимательно сталъ оглядывать мѣстность.

Сырыя низины синѣли вдали; темными, принявшими къ нимъ облаками казались лѣса,— и только... Ни дымку, ни соломенной кровли. Если бы была такая, она издали горѣла бы вся, благо,— день свѣтилъ такъ, что даже влажные ерики между кочками поблескивали, слѣпя глаза, привыкшіе къ сумраку тѣнистаго чернолѣся.

Тѣмъ не менѣе, здѣсь для «Ивана-Прощай» былолюдно. Еще бы: вонъ какимъ широкимъ полукругомъ, огибая сырую болотину, легла желтая, плотно прибитая дорога. Старыя, еще съ прошлой осени глубоко врѣзавшіяся въ нее колеи и теперь въявь пересѣкались, сливались и опять разбѣгались; видно, что еще новыми колесами не были разбиты въ ѣдку пылъ комья слежавшейся земли. Должно быть, рѣдко ѣздили по ней; по крайней мѣрѣ, старый бродяга цѣлые часы сидѣлъ на деревѣ,—не покажется ли гдѣ-нибудь

телѣга, не проскрипять ли вдали немазанныя колеса крестьянскаго воза... Потомъ онъ сползъ тяжело на землю и сѣлъ подъ сосну,—благо, тутъ было сухо...

Вдали онъ видѣлъ, какъ отъ большой дороги отдѣлился и побѣжалъ въ сторону узенькій проселокъ. Должно быть, онъ-то и велъ къ какому-нибудь одинокому селу. Зайцы да дичь надоѣли «Ивану-Прощай». Захотѣлось ему хлѣба, и сталъ уже соображать онъ, теперь смѣло можетъ пойти въ село и купить его. Волосы, правда, еще не отросли. Полголовы, точно свѣжая порубка въ лѣсу, въ глаза бросалась. Да онъ обвязалъ ее тряпицей такъ, что не видать было. Въ карманѣ полушубка рублевая бумажка да немного серебра оказалось... Войдя въ лавку, и шапки снимать не зачѣмъ. Купилъ и пошелъ себѣ дальше.

Правда, противно ему было на людей смотрѣть и боязно. Это не то, что въ лѣсу. Въ лѣсу и волкъ не боится человѣка, а заверни тотъ же волкъ въ какую-нибудь деревушку, такъ любой щенокъ страшенъ ему.

Иванъ-Бродяга рѣшилъ идти тихо, такъ, чтобы добраться до села или деревни къ ночи, не иначе. Не разглядятъ въ сумракѣ,—придетъ и уйдетъ, не возбуждая ничьего любопытства.

Онъ свернулъ на проселокъ, то извивавшійся по болотинамъ, то пропадавшій въ рощицахъ, то опять выбѣгавшій на солнце. Вотъ и другой слѣдъ человѣка показался, — нѣсколько срубленныхъ